

ПО ЗАВЕТАМ ИЛЬИЧА

Память об энтузиасте – магнитогорские сады и музей минералов в техническом университете

АЛЕКСАНДР Ильич Стригулин – магнитогорский должностной, участник первой мировой и свидетель второй, основатель первого коллективного сада «Наука», красивый до глубокой старости и щедро одаренный талантами человек.

Он сам и окружающие его люди – настоящие русские характеры, сохранившие жизнелюбие в тяжелейших обстоятельствах.

Александр Ильич родом из знаменитого Табынского под Уфой. В детстве и юности пел в церковном хоре, где ему поставили голос. После окончания Кунгурского технического училища был призван в армию вместо женатого брата. В первую мировую лез в окопы и в газовой, был контужен, произведен в младшие офицеры. Даже в полевых условиях оставался душой компании: всегда возил с собой шахматы и гитару, развлекал компанию модными романсами. Разумеется, в смуглого синеглазого красавца влюблялись полковые дамы. Но омаровала его тургеневская барышня.

Они встретились на среднеазиатской станции Казалинск. Он оказался там при передислокации полка, а Нину туда направили работать после гимназии. Она поплакала, но отправилась преподавать в двухклассной школе, еще не догадываясь, что в дальнейшей несной и неспокойной жизни будет вспоминать светлую картинку: детские голоса, горячий самовар на столе в учительской, печенье и конфеты.

Они поженились перед самой революцией и отступили в колчаковские в Сибирь, но отстали от армии, заболел тифом. Александр Ильич приходил в себя в чужой кухне на ящиках. Кто-то врывался, перепоясанный патронными лентами, тыкал в лицо револьвером. Жена тяжело переболела в госпитале. Санитар, подоспевший ей веди, был поражен, когда она назвала себя женщиной: все лежали в одном большом помещении – мужчины, женщины, бригитоловые, в мужском белье.

После болезни Стригулины уехали на хутор под Уфой к родителям Александра Ильича. Он и здесь был верен себе: жалел животных, проповедовал вегетарианство. Подрабатывал на изысканиях железной дороги (Ишимбаевское). Его «тургеневской барышне» не отказало под силу: читала навоз и принимала роды у коров, пряла, вязала, ткала – помогала любовью. И единственная дочь Стригулиных Вероника росла в любви.

Началась коллективизация. Не дожидаясь раскулачивания, семья передала все имущество добросовестному работнику – чувашскому парню Ермолаю, и переехала в Уфу. Даже курицу в дорогу не взяли, только просили новых хозяев не разбазаривать нажитое.

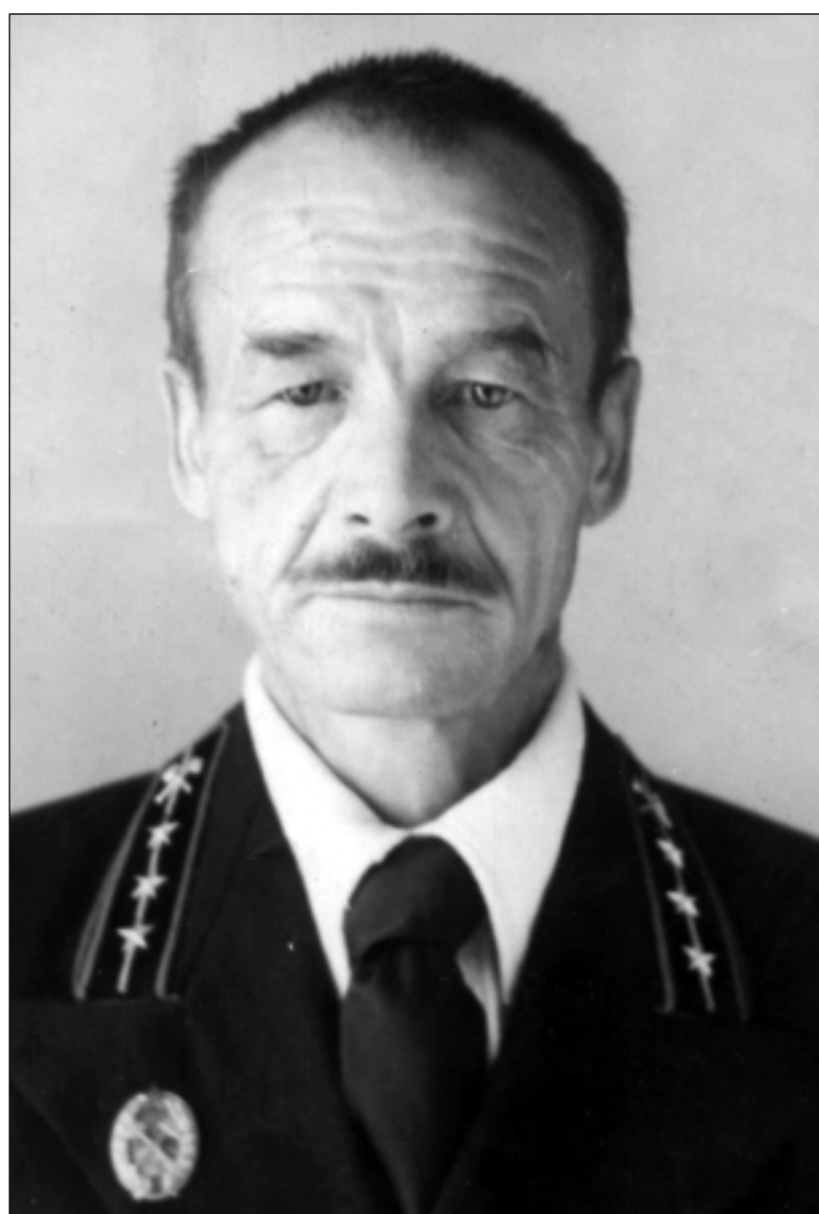
В городе удалось снять мезонин с окном во всю стену: весной черемуха заглядывала, но в холода разоряли дрова. Все жили голодно, бабушка варила постные супы и «кормила» Веронику рассказами о мясных блюдах, о прежних кондитерских, так, что, кажется, ароматы ощущаешь. Однажды удалось купить белого хлеба – отдали весь кирпичик Веронике: ешь сколько хочешь. Она много лет такого лакомства не пробовала. Отрезает по кусочку – и в рот. На последнем ломтике сама ужаснулась: ни с кем не поделилась. Бабуля загоревалась: ребенку белого хлеба вдоволь не поест. И тут Вероника семью оставила: «Зато власть теперь наша, советская». Она уже была из нового поколения: здесь богатство считалось позором, бедность – достоинством.

Александр Ильич работал в геологии. Как истинный исследователь, заинтересовался строительством Магнитогорска: в тридцать четвертом приехал посмотреть – и убедил семью переехать. Начали в бараке – наглядной картинкой «первобытного коммунизма»: с удивительно терпимой атмосферой и доступным теплом – уголь в ту пору лежал в кучах, можно было пользоваться без ограничений.

Нина Стригулина поступила секретарем в горный институт. Ректор Упенек ее ценит, даже выделил путевку в Кисловодск. Она, как и муж, очень хотела учиться, поступила в педагогический. Андрей Низовцев, о судьбе которого писал «ММ», за исключительную грамотность рекомендовал ее на должность преподавателя русского языка. Упенек и Низовцев оба стали жертвами политических репрессий, но оставили о себе добрую память в семье Стригулиных.

Александр Ильич в сорок пять поступил в горный – и всякую свободную минутку посвящал задачкам. Распределение по собственной просьбе получил на заповорский рудник, уже уехал в Еленовку под Донецком – тогда Сталино, чтобы приступить к работе и дожидаться семью, как вдруг – война.

Начальника производства направили в эвакуацию вместе с оборудованием и сотрудниками, а Александр Ильич остался ликвидировать производство. Он сам заливал рудник, но доложить об исполнении уже было некому. Еленовка

переходила от фашистов к Красной Армии – и снова к фашистам. Сложил Александр Ильич в рюкзаке нехитрое имущество – две буханки, сапоги, документы – особенно берег диплом. В дороге купить еду было невозможно: деньги ничего не значили, только просить Христа ради. Пошел пешком по разбитым путям домой, на Урал. Где-то пошел на состав: открытые вагоны с пшеницей. Едут украинские дивичьи пошты. И вдруг бомбежка, бежать некуда, только молиться. Улетел фашист, поднял голову Александр Ильич: нет девятка – на рассыпанной пшенице валяются оторванные руки и косы. Триста километров добирался Александр Стригулин до Волги по захва-

ченной территории. За мазеровские серебряные часы, отцовы еще, удалось найти перевозчика. А там до Челябинска «рукой подать». В Магнитку добрался обветшавший, истощенный – до конца войны наестся не мог, пайка не хватало, колоски собирал, сожалея, что страна не культивировала кукурузу – сытный продукт. И на всю жизнь сохранил уважительное отношение к еде.

Устроился опять на «гору». Ценили его: ректор «горного» Огневский сватал на преподавание минералогии. Он отнекивался: мол, после войны все равно вернусь на Украину. «Так и факультет переведется», – убедил ректор. Александр Ильич дорожил работой,

гордился принадлежностью к горной специальности, очень берег ромбик вузовца. На лекции одевал форму горного инженера: габардиновый мундир с голубым кантом, петличками и золотыми молоточками, фуражку. Это трепетное отношение к знакам профессии понятно: поколению Стригулина восхождение давалось нелегко.

Профессиональные интересы не заслонили тяги к искусству: Семен Эйдинов пригласил Александра Ильича в капеллу – у Стригулина был замечательный тенор. Александр Ильич успешно прошел творческий конкурс, но не мог расстаться с любимой работой. Позднее перешел в лабораторию кафедры геологии и минералогии и трудился там до восьмидесяти – не мог оставить музей минералов, боялся, что без него все выбросят. Многие помнят его с рюкзаком: он собирал минералы на горе Магнитной для институтской коллекции. Студенты называли его каменным королем, в ходу даже был анекдот: мол, Стригулин на экзамене устраивает тест – называет подробнейший камень раньше, чем он опустится в ладонь. Завкафедрой Сергей Николаев его ценит, студенты обожают: кто, кроме Стригулина, сам посоветует писать шпаргалки, чтобы лучше запомнился материал? Он дважды сдал кандидатские экзамены, был лектором в обществе по распространению политических и научных знаний, мог прочитать лекцию прямо в транспорте или в парке – хоть о политической обстановке за рубежом, хоть о вреде алкоголизма.

Это его усилием в сорок девятом – пятидесятом в Магнитогорске основан первый коллективный сад «Наука» на шестьдесят участков – один из первых в стране. Стригулину достался первый надел. Когда он добирался в сад с рюкзаком необходимого для работы, над ним посмеивались – не верили в урожайность уральской земли. Поверили, когда он в этом же рюкзаке из сада принес первые огурцы. Когда Александр Ильич уже не мог ухаживать за садом, передал его дочери, но раз в неделю с палкой в руке брел от Лесопарковой до «Минуринки». Строжевые собаки заранее знали день его прихода: он приносил им угощение.

Он умер в восьмидесятом, не дожив двух месяцев до девяностолетия. Сад № 1 до сих пор принадлежит его потомкам. Деревья, привитые им и его дочерью Вероникой, по-прежнему плодоносят, музей минералов в техническом университете действует и поныне.

АЛА КАШНИНА

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Я видел Гагарина

В КОНЦЕ ПЯТИДЕСЯТЫХ служил я в местах, о которых даже намеком писать не позволяли – вблизи Байконура. Прямо в казарме был кабинет капитана КГБ. После полета Гагарина пришел капитан к нам с туго набитым портфелем. «Ребята, – говорит, – не пытайтесь домой намеками писать, чем мы тут занимаемся». Высыпал из портфеля кучу писем: «Вот они, письма, их проверяет военная цензура».

А за три года службы, с 1959-го по 1962-й, много было интересного. В августе привезли нас, призывников, в «стелитниках» на крохотную казахстанскую станцию Тюр-Там. Приехали рано утром, встретили нас жара и пески. Три месяца карантин мы провели в парусиновых палатках на берегу Сырдарьи: днем палатки накалялись так, что находиться внутри невозможно, а ночью – ледяной холод. Всех тварей поило: скорпионов, фаланг. Иногда мы слышали какой-то гул вдали, но сержанты на вопросы только улыбались: «Примете присягу – узнаете, что это».

Через три месяца я попал на вторую площадку: в городке, кроме казарм, были столовые – солдатская, офицерская и другие строения. Приняли присягу, дали подписку о неразглашении военной тайны в течение десяти лет. Я стал номером расчета, электромехаником электрооборудования автономных систем управления.

Впервые я увидел ракету, ее называли «изделие», в здании МИКА – монтажно-испытательного корпуса. Здесь проходила сборка «изделия» в пакет после выгрузки из вагонов и проводили предстартовые испытания. За время службы довелось повидать знаменитых людей: президента Академии наук Келдыша, маршала ракетных войск Неделина – он погиб в октябре шестидесятого на соседней площадке во время неудачного запуска. Конструктора Королева видели часто: он вообще не уезжал.

Самым впечатляющим был пуск гагаринской ракеты. 11 апреля стоим мы, номера расчетов, на стартовой площадке. Подъезжает небольшой автобус с задернутыми занавесками на окнах, открываются передние двери. Выходит Королев с группой военных летчиков. Постояли, поговорили о чем-то, улыбаются. Королев берет под руки двоих, знакомит всех: нас, летчиков, гражданских из научных институтов. Говорит: «Завтра, 12 апреля, будет произведен запуск ракеты в космос с человеком на борту. Будет космонавтом старший лейтенант Юрий Алексеевич Гагарин. Дублером – Герман Степанович Титов».

12 апреля из этого же автобуса вышли уже в скафандрах Гагарин и Титов. Нас всех перед запуском эвакуировали в подземный бункер. Последними в него спустились Королев, генералы и гражданские. Они разошлись по пульту, а мы, солдатики, сидим в коридоре: По динамикам слышен отчет времени. Наконец пуск!

Несмотря на то, что мы на одиннадцатиметровой глубине, чувствуется сотрясение земли. Через некоторое время разрешили выйти наружу. Несемся вверх по крутым лестницам. На воздухе все задрало головы: еще видна удаляющаяся ракета. А по динамикам слышен голос Гагарина: «Чувствую себя нормально. До встречи на Земле!»

Объявили построение расчетов. Здесь же Королев во главе генералов и гражданских. По динамику звучит передача из Москвы. Сначала легкая музыка, потом голос Левитана, от которого мороз по коже. Дословно не помню, ясно только, что в космосе майор Гагарин – а на земле был старлей. В центр выходит наш командир части и Королев. Он благодарит всех участников запуска. Объявляют выходные на три дня. Офицеры поехали к семьям на deserted площадку, которая стала называться Ленинск – это сейчас Байконур. А мы кто как отдыхали: спали, ловили черпаха – делали пельменицы из панцирей.

Пока я служил, совершили полеты Гагарин, Титов, Комаров, Попович, Быков. Мы их видели и провожали в космос.

ГЕННАДИЙ ЧУРИН, пенсионер.

Откликнитесь, модницы!

Магнитогорские модницы тридцать восьмого года. Напишите нам, если узнаете среди них себя, своих знакомых или родственниц. Любопытно было бы узнать историю этой архивной фотографии.

БЫЛОЕ

Пятисотка от Носова

ЗАПОМНИЛОСЬ ОДНО из посещений Григория Носова сортопрокатного цеха весной 1946 года. Известно, что первый послевоенный год был временем усердного восстановления народного хозяйства страны. Особенно велика была потребность в сортовом металле. А цехи «500», «300-1» и «300-3» работали не на полную мощность из-за больших простоев – часто неплановых. Комбинат был на особом счету правительства и понятна была озабоченность Григория Ивановича...

После демобилизации в декабре 45-го отдел кадров комбината направил меня в сортопрокатный цех диспетчером. Помимо меня диспетчерами работали Стебнев и Горбунов. В наши обязанности входил и учет по станам цеха с указанием всех простоев. Ежедневный почасовой учет простоев вели мастера смен, фиксируя их на досках производства, а мы брали данные с них. Как-то в утреннюю смену зашел на стан «300-3» взять данные. На мостике, где стояла доска, находился Григорий Носов, внимательно наблюдавая за бригадой, которая устранила забуривание горячей полосы после первой клетки. Командовал краном сменный мастер Свистунов. После того, как кран заработал, Григорий Иванович подозвал мастера и стал расспрашивать о причине забуривания и величине неплановых простоев стана. Свистунов ни с того ни с сего указал на меня: мол диспетчеры ведут учет простоев по всем станам цеха. Как я пожалел, что задержался у доски – с директором комбината не приходилось разговаривать. Носов задал мне те же самые вопросы. При мне был блокнот, в котором отражалось производство по станам только с начала месяца, журнал производства находился в диспетчерской. Я рассказал, что знал. Под конец разговора Григорий Иванович спросил Свистунова: как у него с семейными делами? Мастер оживился, поделился с директором, что собирается построить себе домишко. Пока что возвел каркас, а на большое пока средств не хватает.

– Зайди ко мне в заводоуправление утречком... На следующее утро начальник цеха Г. Лаур потребовал от нас журнал производства станом для доклада директору. Вскоре нашим постоянным посетителем стал главный инженер Бурцев. Наблюдая работу станом, он делал упор на работу стана «500», влияющего на выполнение планового задания. Такое внимание укрепило трудовую и технологическую дисциплину коллектива. Постепенно станы начали наращивать производство, а проблемы с выполнением плана по сорту – исчезать.

Но нет худя без добра. В то время с порожками вагонов под погрузку металлопродукции было очень туго. Поэтому перепростой вагонов прямого парка под погрузкой в цехах не допускали. Вопросы перепростоя были дежурными на всех директорских рапортах. Отставание отгрузки металлопродукта повлекло за собой заговаривание адьютанта цеха. А тут еще станы прибавили обороты. На залежалый в штабеле металлопродукта складировали свежий, что осложняло отгрузку. Работники адьютанта явно не справлялись с работой. К тому же произошел дикий случай. В один из дней по запросу цеха привели группу военнопленных немцев для подсобных работ. Один из них решил погреться на теплом штабеле металлопродукта и уснул. А машинист крана, не заметив человека, уложил на него пачку металла. Немец, конечно, погиб. После того, как шороху навели следственные органы, станы стали работать ритмично.

Для мастера Свистунова разговор с Носовым не прошел бесследно. После очередной ночной смены он пришел в заводоуправление. Григорий Иванович выделил ему аж пятьсот рублей на достройку дома...

НИКОЛАЙ ГОНЧАРОВ, ветеран войны и труда.

Неожиданное случается в жизни чаще, чем ожидаемое.

ПЛАВТ МАКЦИЙ

Украинская Магнитка

ПОБРАТИМЫ

ПРОШЛЫМ летом я с родителями путешествовал на машине по Украине. Когда мы заехали в Мариуполь, почувствовал знакомый запах и сказал: «Запах Магнитки».

А папа ответил: «Ты прав. Здесь находится два таких комбината, как у нас в Магнитке». Мама – она у меня краевед – добавила, что отсюда в войну эвакуировали стан на наш металлургический комбинат. В Мариуполе я увидел, как похожи друг на друга украинский и уральский город: словно близнецы, а точнее – побратимы.

Мариуполь – один из красивейших городов Украины, получил статус еще в 1778

году, стоит на самом юге Донбасса у слияния степных рек Кальмиуса и Кальмиуса, на берегу Азовского моря. С начала Великой Отечественной его промышленность стала выпускать продукцию для нужд фронта, а в сентябре пришлось начать демонтаж оборудования заводов имени Ильича и Азовстали и готовиться к эвакуации на Урал.

В Магнитке на монтаж оборудования мощного толстолистового стана Мариупольского завода и строительство цехов для его размещения отвели всего два месяца. Со всего Магнитостроя здесь трудилась лучшая плотники, арматурщики и бетонщики. Работы вели круглыми сутками, несмотря на двухнедельные дожди. Тогда собрали всю резиновую и ватную одежду, организовали специальную круглоосушную сушилку. Строители переделались по 3-4 раза на день, но не останавливали работу.

На 59-е сутки задание было выполнено. Теперь можно было приступить к прокатке броневых листов. Магнитогорцы вместе с мариупольцами единой семьей боролись за увеличение выпуска оборонной продукции. Поэтому я с гордостью называю Магнитку и Мариуполь побратимами.

К 30-летию Победы наш побратим возвел памятник боевой славы – танк «Т-34», броню которого катали в Магнитке на мариупольском стане.

И по планировке Магнитка и Мариуполь очень похожи друг на друга: ведь в основе градостроительства – труд ленинградских архитекторов.

Украина стала близким зарубежьем. Но никакие границы не поссорят народы, побратавшиеся в годы войны.

РОМАН ФЕТИСОВ, воспитанник детской станции туристов.

ПОКА ЖИВУ – ПОМНЮ...

ПАМЯТЬ БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

ЭТИ ВОСПОМИНАНИЯ записаны ребятами поисковой группы со слов ветерана труда Марфы Саввонны Макаровой, находившейся на принудительных работах в Германии. Тяжко припомнилась ей годы военного лихолетья...

Мы не рабы...

«Немцы оккупировали нашу деревню Шукайовды Черкасской области Христиновского района 23 июля 1941 года, когда мне только исполнилось 15 лет. Среди селян нашлось предприимчивый хозяин, откупивший у немецких властей сохосельные земли. Он-то и организовал для работы на полях молодежную овощную бригаду, посулив похлопотать за нас в случае угрозы отправки в Германию.

Мы сажали овощи, поливали, жили в конюшне, на чердаке. Осенью за нами приехали полиция. Нас продал главный бухгалтер, которому пригрозили отправить дочку в «фатерланд». Он и обменял любимое чадо на бригаду из 15 человек.

...Забрали нас сразу, не дав с родными проститься. За ночь немцы загрузили эшелон молодежи, повезли сначала в Киев, затем – в Брест, из Бреста – в Бухенвальд. Повезло: в сам лагерь смерти не отправили. Вокруг Бухенвальда тогда находилась территория, окруженная колючей проволокой. Здесь нам предстояло переночевать в деревянных бараках. Утром пришли машины, крытые брезентом, и нас повезли. Куда – не знаю, потому что ехали в полной темноте, ничего и никого не видя. Прибыли в другой лагерь, уже за тремя рядами «колючки».

Здесь находились три барака, в которых мы жили, столовая и домик врача. Работать нам предстояло на фабрике по выделке кожи. Требовали идеальную чистоту. Поэтому каждое утро водили в душ, выдавая жидкое мыло. Сначала хлестала ледяная вода, а потом – кипяток. Я же худенькая, маленькая, иногда успевала спастись от тугой струи, иногда помогали старшие...

Душа в 11 марок

В 1943 году 25 человек, и меня в том числе, вывели в другой город, Пасац. Опять распределительный лагерь. Кормили какой-то баландой черного цвета. Отказаться от этой бурды опасно: обвинят в нежелании трудиться на «великий рейх».

Выдали нам желтые куртки, косянки с белой надписью «Ост» и шпеленки. Вывели на площадь города для продажи. Главным распределителем, помню, ткнул в меня пальцем: «Русская свинья, к столу!» После унизительного осмотра тела, зубов, волос меня купил бауэр за 11 марок. Потом он постоянно, полтора года, попрекал меня переплаченной суммой.

Хозяин был состоятельным, имел десять дойных коров, шесть рабочих быков, свиней, огромное количество кур. Поэтому работы мне хватало с четырех часов утра до часа ночи.

Свиней кормила отборным вареным картофелем, изредка, с опаской, оставляя для себя 2-3 картофелины. Ничего, кроме похлебки, не видела. На обед полагалась «шпико» – копченый маленький кусочек, крайне редко – хлеб. Вдоволь на ферме было молока. Иногда хозяйская дочка наливала кружку, когда сама доила коров. Как только появлялась «муттер», все сразу становилось «нелязя».

Как-то во время работы проколола кочку руку. Перевязала ее косянкой,

остановила кровь. Хозяин не раз решил в лазарет сбежать. Работники потом советовали мне пожаловаться на хозяина в префектуру. Я боялась: вдруг отправят в крематорий, обвинив в плохой работе.

Сын владельца фермы погиб под Киевом. Поэтому он ненавидел всех украинцев. А дочка его все шутила мне голюбов: нет ли у украинцев рогов...

Долгая дорога домой

Освобождали нас американцы. Собирали всех в лагерь, выдали «сухой паек». Здесь, помимо русских, находились французы, румыны, поляки и венгры.

Помню рядом с лагерем подземный завод, где трудилась русские пленные, работающие в каменоломнях за 150 километров. Вокруг валялись вагоны и цепи, которыми привывали пленников, тащивших эти вагоетки. Все стены подземного завода были исписаны по-русски – последний приветом к живым, родным и близким.

В июле 1945 года нас отправили в советский фильтрационный лагерь проверить предполагаемые связи с фашистами, а затем, вместе с другими женщинами, в воинскую часть

на территории Чехословакии. Здесь нам пришлось поработать прачками и кашеварами – стирать, мыть казармы, готовить для солдат. Только осенью мне удалось вернуться в деревеньку Шукайовды и увидеть пепелище родимого дома...

В 1952 году я получила письмо от отца из Магнитогорска. Он тоже побывал в немецком плену, работал кузнецом. После освобождения отец, вместе с другими пленными, перевезен эшелонном на Урал, пополнил «трудовую армию» Магнитки. Через два года я сама переехала в Магнитогорск и трудилась на сталеном заводе до ухода на пенсию в 1980 году.

Подготовил ВАЛЕРИЙ ЕДИМОВ.

От редакции. Сбор воспоминаний малолетних узников лагерей и насильно угнанных в Германию ведет вместе со своими питомцами бессменный руководитель музея школы № 47, педагог детской станции туристов Белла Нилевна Валитова. Поисковики верят, что страшные годы скитаний никогда не повторятся, и надеются на помощь магнитогорцев в написании очередных глав о детстве с нагрудным знаком «Ост».